

МАРИАМ ТЕР-ГУЛАНЯН

ТОТ, КТО СЧИТАЛ СНЕЖИНКИ

РОМАН

Мариам Тер-Гулянян Тот, кто считал снежинки. Роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72792082
ISBN 9785006852006*

Аннотация

«Тот, кто считал снежинки» – не просто роман, а проникновенное путешествие в мир любви, веры и человеческой стойкости, рождённое в тяжёлые дни карантина во Франции. В центре повествования – величественный Собор Парижской Богоматери, ставший символом утраченной и вновь обретённой надежды, духовного возрождения и несокрушимой веры. На фоне всеобщей изоляции герои ищут смысл, опору и тот внутренний свет, который помогает человеку не потерять себя, даже переживая самые тяжёлые испытания.

Содержание

Тот, кто считал снежинки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Тот, кто считал снежинки

Роман

Мариам Тер-Гуланян

Переводчик Нелли Аревшатыан

Дизайнер обложки Артак Багдасарян

Иллюстратор Артак Багдасарян

Редактор Акоп Согомонян

Корректор Астхик Сафарян

© Мариам Тер-Гуланян, 2025

© Нелли Аревшатыан, перевод, 2025

© Артак Багдасарян, дизайн обложки, 2025

© Артак Багдасарян, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0068-5200-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тот, кто считал снежинки

Бог там, где Истина...

Когда это было? С карниза западной стены Собора Парижской Богоматери упал первый камень, и никто этого не заметил. Просто на следующий день уборщики собрали осколки камня, и день прошел как обычно. Такова была судьба этого дня, казалось.

Невидимый порыв ветра проник в Собор, и свет зажженных паломниками свечей беспокойно затрепетал. Склонившиеся в молитве люди оглянулись, как будто чего-то ждали, но ничего не произошло, ничего особенного. Поскольку последний паломник уже зажег свою свечу, никто больше не вошел в Собор.

Но произошло нечто, чего также никто не заметил. Место, где упал с карниза западной стены камень, покрылось паутиной, которая блестела на солнце как нити отмытого нетускнеющего серебра.

Да-да, никто не заметил. Париж жил своей обычной жизнью.

Между тем шли годы и падали новые камни. Дворники, убирающие территорию вокруг Собора, подбирая осколки камней, смотрели на высокие карнизы стен, даже не пытаясь понять, почему упал камень, а просто радовались, что он разбился не об их головы.

Да, все так и было. Люди были заняты, торопливо заканчивали свои дела, потому что у всех всегда были какие-то важные встречи, на которые им не хотелось опаздывать.

Да, так и было не только теперь, но и в давние времена – в день взятия Бастилии, когда с карниза Собора Богоматери упал первый камень, чего, как мы сейчас уже знаем, никто и не заметил. Осталась только паутина, плотно сплетенные нити которой блестели на солнце, и казалось, что это так красиво!

Паутину не заметили и иностранные войска, вошедшие в Париж после битвы при Ватерлоо, и грохот их бурного веселья заглушил звук второго камня, падающего с карниза Собора. Казалось, он оплакивал отставку Наполеона Бонапарта.

А потом уже никто и не помнил, когда же падали другие камни, кроме того – седьмого упавшего камня, о котором в телевизионных новостях слышал даже Даниель.

В тот день погиб учитель – учитель истории, который привел к Собору своих учеников, чтобы рассказать им о вере и о религиях, существующих в мире, об их общности и различиях.

Но интересный рассказ учителя истории оборвался: седьмой камень упал ему на голову и повалил на землю. Его горячая кровь брызнула на лица потрясенных учеников.

– Полицию! Вызовите полицию! – вопил кто-то.

– При чем тут полиция, вызовите скорую! – душераздирающим голосом орал другой мужчина.

Дети отошли от неподвижно лежащего в крови учителя и громко плакали. Подходили все новые и новые люди и с тревогой в голосе спрашивали:

– Как это случилось, кто ударил?

– Камень упал, – всхлипывали ученики.

– Что за камень? Откуда он упал? Кто ударил?

На усиливающийся шум из Собора стали выходить встревоженные священники.

Появилась и какая-то женщина с необычной внешностью:

– Это еще что! Ждите большого пожара, – тихо, но так, чтобы все слышали, сказала она и, незаметно смешавшись с толпой, исчезла.

Преподобный отец, изменившимся от ужаса голосом, обратился к полицейскому:

– Кто эта женщина?

Полицейский взял под козырек и сказал:

– Сейчас уточним.

Он быстрым шагом направился в сторону женщины, но в плотной, разношерстной толпе женщины уже не было, она исчезла.

Никто не знал, что седьмой камень был последним, и что после его падения в Соборе вспыхнет пожар, потому что Богоматерь уже покинула Собор, оставив в нем лишь свое имя.

Падавшие камни были знаками Богоматери, направленными прихожанам, но никто не понял божественных знамений. Люди с ужасом смотрели и не могли ничего сделать — никто ничего не предпринимал: Собор горел, Богоматери не было.

Даниель стремительно переключал радио с одной волны на другую, но все новости были об одном и том же: вначале говорили о численности жертв коронавируса на этот день, потом — о том, сколько больных коронавирусом находятся сейчас в больницах, и еще о том, сколько больных из-за недостатка мест в больницах, так и не попали туда и скончались дома. По радио передали еще одно важное сообщение: в тот день исполнялся год с момента пожара в Соборе Богоматери, и уже год, как шли реставрационные работы, но сколько они продлятся, точно не было известно.

«Собор уже никогда не будет прежним — как и люди», — подумал Даниель и вспомнил, как год назад люди на берегу Сены коленопреклонно, смиренно молились и смотрели на пылающий Собор, прося милости у Бога. Но спасения не было. Казалось, сам Бог изумленно взирает на пожар

и предлагает спасение самим людям. Но люди не приняли его. Не поверили.

В тот момент у Даниеля возникло огромное желание пешком пройти к Собору, посмотреть, что изменилось за этот год. Он припарковал машину в подходящем месте: сейчас легко можно было найти парковку в Париже, город почти пустовал, люди от страха заперлись в своих домах, кто – по собственному желанию, а кто – по принуждению. Так тоже бывает, иногда приходится оставаться наедине с собой, лицом к лицу со своей реальностью, двадцать четыре часа проводить с домашними и не психовать, или – психовать, тут уж как придется.

Даниэль вышел на улицу, прошелся по берегу Сены, издали посмотрел на восстанавливаемый Собор. Подходить ближе не разрешалось, к тому же ничего нельзя было рассмотреть: Собор был закрыт защитными полотнами, чтобы люди не мешали работам строителей.

В это время несколько иностранцев на ломаном французском спросили у Даниеля, где находится Собор Богоматери. Даниэль с недоумением посмотрел на них, удивляясь их неведению и с досадой сказал:

– Он сгорел.

– Собор? Как же так, неужели мы опоздали? Ведь это мы хотели поджечь его.

Слова чужаков прозвучали как гром среди ясного неба, и Даниэль почувствовал, как его руки сжимаются в кулаки

от закипающего в нем гнева.

В первую минуту ему захотелось ударить стоящего ближе всех чужака, но он развернулся и пошел прочь к своей машине.

Конечно, Даниель не стал никого ни ругать, ни бить, все они были в своем времени, единственным опоздавшим был он сам.

Конечно, Даниель не стал ни бить их, ни ругать, а просто понуро побрел к своей машине. Ему было грустно. Он не завершил разговора с отцом – разговор, который постоянно откладывался.

Даниель осторожно прикрыл одеялом спящего отца и тихонько встал. Как хорошо, что отец сегодня быстро уснул, разговор и на этот раз был отложен. Но он решил сегодня обязательно увидеться с ней. Он взял с собой пропуск¹ на выход из дома и в строке о цели выхода хотел записать, что ему не хватает воздуха, что речь идет о жизни и смерти, что ему нужно во что бы то ни стало увидеть любимого человека, которого не видел уже два месяца. Но он взял ручку и записал всего лишь, что цель выхода – поход за продуктами. Он по-

¹ Пропуск – официальный документ, предусмотренный законодательством Франции, разрешающий покидать место проживания во время карантина, установленного в связи с пандемией COVID 19.

думал, что и еда в чем-то схожа с любовью – каждый день ты нуждаешься в ней и без нее можешь умереть.

Он надел туфли, взял ключи от машины и тихо открыл дверь.

– Закрой дверь, что ты делаешь, этот монстр может проникнуть даже в дверную щель.

Это проснулся отец. Может он и не засыпал вовсе. Мысли уже давно не давали ему спокойно спать.

– Папа, мне нужно выйти, я должен увидаться с Элен, мы уже два месяца не встречались из-за этого вируса и карантина.

– Какая Элен, Даниэль, ты что спятил? Эта та девушка, что работает в аэропорту?

– Да, она стюардесса на международных авиалиниях, сейчас она вынуждена работать.

– Стюардесса... какое красивое слово ты выбрал. Скажи, что она всего лишь официантка, просто работает в воздухе. Сейчас эта твоя Элен наградит тебя букетом международных вирусов, подхваченных от своих международных туристов. Ты не пойдешь на встречу с ней, и точка.

– Я должен пойти, ведь мы решили пожениться, но все перевернулось. Мир изменился в один день, отец, и больше ничего не будет прежним – ни мир, ни люди.

Даниэль закрыл дверь и, вернувшись, обреченно сел рядом с отцом. Он не знал, может, настал момент как раз сейчас поговорить с отцом.

– Все это произошло не в один день, сынок. Чтобы дойти до этого, человечество веками разрушало свой мир, свой внутренний мир, а теперь этот мир разрушает нас, мы заслужили это, настала наша очередь... все справедливо, сынок, – отец глубоко вздохнул и умолк.

– Не могу понять, почему ты так зол на людей. Разве живущий здесь, во Франции, человек виноват в том, что кто-то, где-то в Китае, съел мясо какой-то неведомой зверушки и неосознанно заразил всех вокруг?

– Лучше не говори о вине, прошу тебя, а то может получиться слишком долгий разговор, сынок, – засмеялся отец.

– Папа, этот прекрасный мир создал человек. Все страны, города, цивилизацию, наконец... Всё, всё что ты видишь создано человеком, понимаешь? А что мир дал человеку? Только землю, чтобы он ходил по ней, строил на ней и, в конце концов, чтобы он был похоронен в ней. Вот и все.

– А кто тебе сказал, что все это создано человеком? Все это было всегда. Всегда. Человек всего лишь гость на этой земле, сынок. Просто некоторые люди в своей земной жизни вспоминают самих себя и сливаются с Вселенской Памятью, доставая оттуда все это. Но это только один процент человечества, сынок, а остальные плывут на волнах неосознанности и считают это жизнью. Вот если бы можно было сохранить на земле только этот один процент! Земля стала бы раем.

– Зачем же сохранять этот один процент человечества? Почему этот один процент не может научить остальных еди-

нению с той самой Вселенской Памятью? – спросил Даниель, усмехнувшись, и продолжил, – ведь это все глупости, отец.

– Невозможно научить человека вспоминать самого себя, каждый сам должен пройти этот путь и дойти до этой точки. Но люди не желают этого, и знаешь почему? Потому что не верят. Вот и ты сейчас не веришь, а я уже давно начал учить тебя вспоминать самого себя.

Даниель громко расхохотался, встал и быстро подошел к двери, чтобы отцу не удалось остановить его.

– Ладно, сейчас мне некогда вспоминать себя, отец. Я ухожу, Элен ждет меня, я не могу не пойти, понимаешь?

– Постой, Даниель, – сказал отец, взял трость и поспешил к сыну.

– Нет, не нужно меня задерживать и уговаривать, я должен идти, – сын был настроен воинственно.

– Я не уговариваю тебя, просто хочу обнять. То, что ты ценою жизни спешишь к своей возлюбленной, значит, что ты уже на верном пути.

Даниель улыбнулся, крепко обнял отца и понял, что тело его стало намного меньше, он уже не был прежним. Его глаза увлажнились, и он подумал, как же давно мы так крепко не обнимались и как же давно так не беседовали. Нет, мы никогда так не беседовали.

– Иди, сынок, иди, пока мать не проснулась. Я скажу, что ты пошел в магазин. Любовь важна в жизни. Нет, вру, только любовь важна в жизни, – сказал отец и похлопал сына

по плечу.

– Спасибо, папа, я знал, что ты поймешь меня.

Сын отвернулся, чтобы отец не увидел его слез, и заметил, что отец тоже быстро повернул голову в другую сторону. Даниель опустил ручку двери и подумал: извини отец, что до сих пор я не знал тебя, и, не оглядываясь, вышел.

Он вышел из дома со странным чувством, что видит отца в последний раз. Он сумел оттолкнуть эту мысль от себя. Мысль отстранил, но чувство осталось.

После обеда на их улице обычно было тихо, поскольку из-за карантина все отдыхали в домах или спали. Даниель бесшумными шагами подошел к автомобилю, но какой-то странный звук заставил его остановиться и обернуться. Он заметил, что на улице нет ни одного автомобиля, но издали доносился какой-то глухой звук. Странно, но Даниель почувствовал какую-то опасность. Он попробовал пройти вперед, чтобы рассмотреть, что происходит в начале улицы.

Он ускорил шаги и на мгновение застыл на месте. Бескрайняя толпа, вооруженная огромными плакатами и флагами, двигалась в его сторону. Некоторые в толпе ехали на автомобилях, остальные шли пешком и скандировали какие-то непонятные слова. Даниель вдруг понял, что эта непонятная толпа может затоптать его, если он не сдвинется с ме-

ста. Он решил вернуться домой, предупредить родителей, чтобы они, потрясенные гулом толпы, не выходили из дома, но было уже поздно, толпа оказалась у входа в их дом. Ему осталось только быстро сесть в машину и сбежать от всего этого, неважно куда, только бы подальше от этой толпы. Он ехал быстро, нарушая правила движения и свои жизненные принципы, ехал, не понимая, куда едет. Он же всегда ездил из пункта «А» в пункт «Б», а теперь куда, где этот пункт «Б»? Он не знал.

Впереди себя Даниель увидел мотоцикл, поравнялся с ним, опустил стекло и громко крикнул:

– Извините, как мне выбраться отсюда?

– А куда вам нужно, месье? – спросил мотоциклист.

– Мне все равно, только бы подальше отсюда, – крикнул Даниель.

– Ну, значит, все равно как ехать, – рассмеялся мотоциклист и обогнал машину Даниеля.

Даниель на миг протрезвел, паника, казалось, затмила его мозг. Он подумал, что так и в жизни, когда не знаешь, куда тебе нужно, то тебе все равно как идти... Даниель вдруг вспомнил, что ему нужно в аэропорт, на встречу с Элен.

А вот и пункт «Б». Он сбавил скорость машины, выбрал дорогу в аэропорт и посмотрел в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что толпа его не преследует, и все это было лишь кошмаром. Но нет, толпа следовала за ним, как будто преследовала именно его.

Даниель находился в центре Парижа. Какая-то необъяснимая грусть царила в городе, он вдруг почувствовал, что Париж совершенно пуст, люди и машины исчезли, остались только он и непонятная толпа, издали следовавшая за ним.

Сила этой пустоты была ужасной. Сила пустоты, когда нутром чувствуешь, насколько ты уязвим. В пустом городе ты чувствуешь себя ничем. Он подумал: «Фактически, все города одинаковы, во всех городах одинаковые улицы и дома, только люди разные. Только люди придают смысл городу, улице, проспекту, памятникам, переулкам, тупикам».

Пустующий Париж был совсем не романтическим. Он вызывал ужас. Романтическим Париж делают люди, потому что верят, что он романтический. В тот момент Даниелю очень хотелось верить.

«Вера. Какое хорошее слово», – подумал он.

Вдруг Даниель вспомнил об отце. Именно об этой вере отец говорил с ним чуть раньше, а он не принял все это всерьёз. Фактически, это и есть вера? Когда хочешь, чтобы Париж был романтическим. Снова.

Он хотел вспомнить слова отца, но мысли путались. Он пожалел, что не остался рядом с отцом, ведь ему нужно было сказать отцу что-то очень важное. Это были очень важные слова.

Он всегда хотел сказать отцу эти слова, но каждый раз то момент был неподходящим, то времени не хватало. «А вдруг я так и не успею сказать эти слова, если подходящий момент

так и не настанет», – подумал он. А кто может определить этот самый подходящий момент?

Сейчас он был уверен, что для любви нет подходящего момента, любовь сама и есть самым подходящим моментом, жизнь и время даются человеку только для любви.

«А мы всё время только готовимся любить», – подумал он.

Поглощенный своими мыслями, Даниель не заметил, что странная толпа уже подошла к нему. Ему пришлось сбавить скорость машины. Толпа сравнялась с ним, и какие-то люди в медицинских масках начали торопливо прикреплять к стеклам его машины плакаты и что-то скандировать. Даниель опустил стекло, чтобы понять, что происходит, и главное – зачем?

– Вот и еще один примкнул к нам, шеф, – возбужденно крикнула пожилая женщина и бросила в машину Даниеля маску.

– Возьми это, сынок, этот мир опасен, нужно защищаться. Хорошо, что ты присоединился к нам.

– А куда вы направляетесь, и чего вы требуете? – спросил Даниель у женщины.

– Мы идем в аэропорт Шарля де Голля. Вы что, не следите за новостями? Мы, все здоровые люди Франции, объединились и хотим покинуть эту грязную и больную страну, и эту

безнадёжную цивилизацию.

Даниель окаменел. Он не знал, что ответить этой «здоровой» женщине. Фактически, они не преследовали его, толпа просто направлялась в аэропорт. «Нет, это какой-то дурной сон», – подумал Даниель и включил радио, чтобы услышать подтверждение тому, что все это ложь.

На всех частотах радио поочередно повторяли одно и то же: «Просим не выходить из дома, неуправляемая толпа направляется в аэропорт, мы вынуждены приостановить все движение и экстренно эвакуировать людей из аэропорта. Требования толпы пока неясны, но им, вероятно, нужны самолеты, чтобы покинуть страну. Просим оставаться дома и следить за дальнейшим развитием событий. Жертв и раненых пока нет»,

«А как же я, – подумал Даниель, – разве я не жертва?» Почему не говорят о нём. Он же случайно оказался в центре толпы и вынужден следовать ее правилам, как жертва.

Нужно было хоть раз в жизни послушать отца и не выходить из дома. А как же Элен, что она сейчас делает, она в курсе этой ситуации?

Даниель быстро набрал номер телефона Элен, но она не ответила. Что творилось сейчас в аэропорту? Где находилась Элен? Как можно пробраться сквозь толпу и попасть в аэропорт, чтобы найти Элен? Вопросы, на которые не было ответа. Даниель не переставал звонить и смотрел то вправо, то влево, надеясь наткнуться в толпе на чей-то разумный

взгляд, но напрасно. Люди, как зомби, шли за одним человеком, которого называли «шеф». Кто этот «шеф», как ему удалось гипнотизировать сотни тысяч людей и повести за собой. Это было непостижимо.

Вдруг «шеф» на миг притормозил, повернулся лицом к толпе, поднялся на какую-то машину и жестом приказал всем остановиться. Он взял рупор. Видно, ему нужно было сделать важное заявление.

Машина Даниеля была рядом с ним и Даниелю удалось рассмотреть лицо «шефа». Это был невысокий мужчина среднего возраста, казалось, он впервые в жизни пользуется микрофоном. Даниель заметил его небольшие глаза, которые очень быстро и беспокойно двигались. Он все время отводил взгляд, как будто избегал взглядов других людей или скрывал что-то очень важное. В любом случае, все это Даниелю не понравилось.

– Остановитесь на миг, мои герои, мы вместе должны покинуть эту оскверненную страну, мы должны создать свою страну. Мы единственно здоровые люди в этой стране, все остальные губят себя, отныне все они обречены. Коронавирус истребляет их тела, потому что у них испоганены души. А мы, единственно здоровые, должны спастись и спасти себя от этой пагубной цивилизации

– Да, да, мы должны покинуть эту грязную страну, хватит уже, – раздавались крики с правой стороны толпы.

– Да, все обречены, все погибнут, – слышалось слева.

– Скоро мы дойдем до аэропорта, и сейчас я хочу четко представить наши требования. Мы не будем никого трогать, мы не будем применять силу. У нас мирное шествие. Просто позвольте нам, здоровым, покинуть вашу больную страну. Дайте нам самолеты в достаточном количестве и продукты на несколько дней, и все. Позвольте нам спастись и спасти человечество от этой пагубной цивилизации.

– А как же пилоты, шеф? Как самолеты поднимутся в воздух? – спросили несколько беспокойных людей из толпы.

– Пилоты? Разве среди стольких людей нет пилотов? Кто хочет управлять нашими самолетами? Кто готов стать героем?

– Я! – Я! – Я!

Послышались голоса со всех сторон

– Мы готовы управлять любым самолетом и везти вас куда нужно, шеф.

– Видите, и этот вопрос решился. Среди нас есть пилоты. Но нам в любом случае понадобятся несколько сотрудников аэропорта. Но этот вопрос мы решим на месте. Согласны?

– Да! – единогласно закричали все и начали воодушевленно аплодировать.

Даниель в ужасе схватился за телефон и снова позвонил Элен.

Бесполезно. Она не отвечала.

Толпа уверенным шагом дошла до аэропорта Шарля де Голля, где ее встретили сотни полицейских, все как один вооруженные до зубов.

Вдруг зазвонил телефон Даниеля. Это была Элен. От неожиданности он вскочил и сразу же ответил.

– Даниель, Даниель, – встревоженно повторяла девушка, – я только что вышла из самолета и тут творится что-то непонятное. Прошу тебя, не выходи из дома, я боюсь за тебя.

– Элен, наконец-то, твой голос, наконец..., – сказал Даниель и улыбнулся, но ему хотелось плакать, тоска сжимала горло.

– Элен, послушай, я здесь, уже поздно что-либо предпринимать, я в этой толпе, и мы сейчас находимся напротив аэропорта. Я не принадлежу к толпе, я случайно оказался в их рядах, прошу тебя, не выходи сейчас, а то тебя могут затоптать.

– А людей много? Я хочу понять, с какой толпой мы имеем дело. Что нам сейчас делать?

– Их много, Элен, наверное, сто тысяч или сотни тысяч... точно не знаю, минуточку, не отключай телефон, – сказал Даниель, отложил телефон в сторону и вышел из машины. Он поднялся на капот своей машины, чтобы рассмотреть, сколько примерно людей следуют за ним. Увидел и ужаснул-

ся.

Нескончаемая цепочка людей тянулась по всей трассе, все дороги были перекрыты, и всюду была толпа, в тот момент толпа управляла людьми. Людей не было, была толпа. Эта неуправляемая толпа. Невозможно было посчитать их. Даниель не видел конца. Он заметил, что никто не поет Марсельезу и сразу понял, что это шествие толпы опасно.

– Боже мой, когда собралось столько людей, откуда? Что сейчас будет, Элен....

Даниель быстро забрался в машину, отдышался и постарался говорить таким голосом, чтобы Элен не почувствовала его ужаса.

– Элен, любимая, все в порядке, не беспокойся. Здесь много полицейских, они все уладят, – каким-то искусственным голосом торопливо произнес Даниель.

– Если у тебя такой голос, значит, все намного хуже, чем я могла представить... Боже мой...

«Её невозможно обмануть, она очень хорошо знает меня», – подумал Даниель и замолчал, потому что не знал, что сказать. Что сказать женщине, которую любит больше жизни, и неизвестно, увидит ли ее еще раз, или нет.

– Элен, я хочу видеть тебя, где ты сейчас, как я могу найти тебя? Пожалуйста, иди в комнату отдыха персонала, я приду туда, не знаю как, но я найду способ и приду. Ты слышишь меня, Элен? Элен?

– Что с нами теперь будет... нет-нет, не приходи, про-

шу тебя, ты не сможешь пройти через эту толпу, оставайся на месте и следуй указаниям полиции, пожалуйста, Даниель, – слышалось с другого конца трубки.

А Даниель подумал – указаниям полиции? Нет, дорогая, сейчас диктует толпа, сейчас она владеет ситуацией. Он подумал, но ничего не сказал вслух. Он пожалел свою любимую.

– Я иду, – сказал Даниель и отключил телефон.

Даниель взял кошелек, телефон, какие-то документы и подарок, который приготовил для Элен и попытался открыть дверь машины, чтобы выйти. Но неуправляемое сборище прижалось к машине и невозможно было открыть дверь. Все двери были заблокированы толпой, и даже на багажнике стояли люди. Невозможно было выйти из машины. От ярости Даниель громко крикнул и попытался выбраться из окна автомобиля, но тщетно... Двери машины искривились и окна не открывались. Он попробовал открыть все четыре двери, но все они были заблокированы. Он понял, что его автомобиль окружен и толпа, казалось, сама управляет автомобилем.

Всё подчинялось толпе, даже законы физики. Как мог автомобиль двигаться без работы двигателя, без вмешательства водителя, непонятно, но в тот момент все так и было.

Зажатый в металлической коробке, Даниель только в тот момент понял, что такое реальная опасность и что его ждет. Он не находил выхода, не знал, как выйти из машины, как пройти сквозь эту толпу и добраться до Элен. Он не знал. Впервые в жизни он не знал ответа.

Ему вдруг вспомнилось, как однажды, когда он был маленьким, отец сказал:

«Сынок, если в жизни будут моменты, когда ты не сможешь найти правильный ответ, или ты запутаешься в своих мыслях, посмотри на небо и обратись с вопросом именно к небу, ответ обязательно придет, он каким-то образом проявится в твоей жизни, и это станет лучшим вариантом для тебя в данный момент, поверь мне, сынок».

«Отец!», – подумал Даниель. И, как человек, только что пробудившийся ото сна, он подскочил и понял, что не позвонил родителям и не сообщил об опасности. Он взял трубку и позвонил, отец ответил немедленно.

– Даниель, это ты, Даниель, – слышался его взволнованный голос.

– Да, отец, это я. Что вы делаете, телевизор включен?

– Нет, сынок, мы с матерью пьем чай, и я читаю для нее стихотворение Жака Превера «Эта любовь». Я же говорил тебе, что в этом доме мы уже не включаем телевизор, он сокращает часы моей жизни, а я решил жить долго и, по возможности, счастливо, – сказал отец и громко рассмеялся.

– Конечно, папа, конечно возможно, ты все правильно ре-

шил, не включайте этот чёртов телевизор, ничего хорошего там нет, – сказал Даниель и глубоко вздохнул.

Как хорошо, что родители не в курсе этих событий и не знают, что их сын в этот самый момент задыхается в толпе.

– Папа, – как-то неуверенно начал Даниель, – отец, не знаю, удобный ли теперь момент, и кто вообще определяет эти удобные моменты, но мне нужно сказать тебе очень важную вещь...

– Даниель, – шепотом сказал отец, – сынок, если ты решил сегодня сделать предложение этой девушке, то делай, сынок, я ничего не скажу матери, не беспокойся.

– Нет, отец, нет, речь не об этом. Отец..., прости меня, прости, что грубил тебе, дерзил, или, что еще хуже, вообще не разговаривал с тобой годами... Отец, хочу сказать, что... отец, я люблю тебя... и прости меня... прошу тебя, – у Даниеля перехватило дыхание, трудно было впервые произносить такие простые, казалось бы, слова.

На миг Даниель почувствовал себя совершенно обнажённым и опустошённым, но это была приятная опустошённость, которая сразу же заполнялась любовью другого.

Отец почувствовал напряжение в воздухе между собой и сыном, понял, что сын взволнован.

– Для любви не нужны сложносочиненные предложения, сынок. Любви нужна простота... простые чувства – простое предложение... Сынок, я тоже тебя люблю.

– Просто я именно сейчас хотел сказать тебе эти слова, отец, именно сейчас... хотел сказать. Все в порядке, не беспокойся обо мне, пожалуйста.

Даниель помолчал, потом сразу же отключил телефон. Окружавшая его толпа начала очень громко скандировать какие-то непонятные слова, и отец мог что-то заподозрить. Во избежание вопросов он решил отключить телефон.

– О чем ты говорил с Даниелем? С ним что-то случилось, он попал в аварию? – мать Даниеля обрушила на отца шквал тревожных вопросов.

– Ничего не случилось, наш сын скоро придет домой. Он спрашивал нужно ли покупать для меня сегодняшние газеты или нет, я сказал, что не нужно. Я хочу убежать от реальности, присоединишься ко мне, дорогая?

– Куда бежать, о чем ты говоришь? Если ничего не случилось, почему ты взволнован, я же вижу, что у тебя слёзы на глазах, – с присущим только женщине упорством настаивала жена.

– Ах, любимая, ты же знаешь, как красиво пишет Превер, ты знаешь, как я люблю его поэзию, каждый раз читаю стихотворение «Эта любовь» и волнуюсь, как в первый раз, – сказал отец и тепло поцеловал жену.

– Ладно, сделаю вид, что поверила тебе, – засмеялась жена, – но ты очень красиво и поэтично сменил тему. Не зря в свое время я выбрала именно тебя.

– Прочь с дороги, пропустите нас, – громко скандировала толпа и двигалась в сторону полицейских.

Даниель уже задыхался от безвыходности ситуации. Он был заперт в машине, от невыносимой жары машина перегрелась, и уже нечем было дышать.

– Боже мой, что же делать, как мне выбраться из этой железной коробки?

Даниель закричал и несколько раз изо всех сил громко стукнул по рулю машины, вдруг он вспомнил слова отца: посмотри на небо и найдешь ответ на свой вопрос. Он собрал последние силы, вытер пот со лба и поднял голову. Попытался представить синее небо. Открыл глаза... и увидел синее небо... На мгновение он оцепенел: значит он настолько устал, что ему мерещится синее небо. Но нет, он действительно видел синее небо.

– Ах, на потолке же есть стеклянный люк, я совсем забыл об этом. Господи, сначала я не хотел покупать этот автомобиль именно из-за этого люка, и мне всегда казалось, что я принял неверное решение, купил не тот автомобиль. Но фактически, благодаря именно этому неверному решению я сейчас могу спастись, – и Даниель начал истерически хохотать.

– Боже мой, да, я посмотрел на небо и получил ответ, все-таки получил ответ! Спасибо, отец! Я люблю тебя!

В этот момент в автомобиле заработало радио и громко зазвучала песня Шарля Азнавура, это была одна из любимых песен Даниеля:

Que c'est triste Venise,
Au temps des amours mortes,
Que c'est triste Venise
Quand on ne s'aime plus.

On cherche encore des mots,
Mais l'ennui les emporte,
On voudrait bien pleurer,
Mais on ne le peut plus.²

– Да, месье Азнавур, везде очень грустно, когда люди не любят друг друга, – сказал Даниель и оставил радио включенным. «Пусть голос Азнавура громко звучит в этой изломанной, убитой железной коробке и пусть в этой мертвой, лишенной любви толпе найдется хоть одна живая душа, молящаяся Богу», – подумал он.

Даниель быстренько сложил все самое важное в свой старый рюкзак и вышел из машины через люк в потолке. Он жадно сделал несколько вдохов, как будто глотнул воздуха большими порциями, но почувствовал, что воздух очень тя-

² Как грустна Венеция, Когда мертва любовь, Как грустна Венеция, Когда мы уже не любим друг друга. Мы все еще ищем слова, Слова, рожденные от скуки, Мы хотим прослезиться, Но уже не можем. (Перевод автора)

желый и полон опасности. Только после того, как ему удалось выйти из машины, он заметил, что машина полностью покорёжена от ударов толпы, она стала непригодной.

– Прочь с дороги, прочь с дороги! Нам нужны самолеты! Нам нужны самолеты!

Даниель растерянно оглядывался: он искал выход. Но ничего не находил – кругом была толпа. Даже полицейские были в недоумении: что делать, как можно стрелять в безоружных людей? Полицейские молча и немного обеспокоенно ждали приказа, который запаздывал.

Даниель понял, что у него нет командира, понял, что в этот момент он совсем один. У него над головой было лишь доступное ему небо.

Провозгласивший себя «шефом» мужчина, которого звали Николя, снова взял микрофон, и, стоя на какой-то машине, начал свою речь.

– Мы единственно здоровые люди в этой стране, мы желаем покинуть это физически и духовно больное общество. Мы никому не причиним вреда, наше шествие мирное и наше требование логично, друзья. Не так ли?

– Да, наше шествие мирное, да! – справа и слева орала толпа.

Складывалось впечатление, что о чем бы ни говорил

«шеф» в тот момент, толпа соглашалась бы с ним. Даниелю, по крайней мере, так показалось. И даже он на миг поддался соблазну популизма и закричал – да, наше шествие мирное. И даже поднял вверх кулак.

Потом сразу же сообразил, что это не он кричал. Это была та генетическая память, живущая в каждом человеке, которая называется стадным чувством, когда вместо тебя решают, чего ты хочешь и вместо тебя проживают твою жизнь, а потом тебе приходится отвечать за все, да, тебе и только тебе. И потом, странным образом, только тебя мучает совесть за то, что тебя обманули, потому что совесть мучает только того, кто на самом деле ни в чем не виноват.

Даниель всегда с трудом принимал решения, но сейчас он твердо знал, что он не хотел этого. Он хотел выбраться из этого кошмара и встретиться с любимой. Всего лишь.

– Друзья, сегодня я узнал, что в Новой Зеландии выздоровел последний больной, болевший коронавирусом, и в этой стране больше нет ни одного случая коронавируса. Представляете какое чудо! И в нужное время! – возбужденно воскликнул шеф и продолжил:

– Это именно то, что нам нужно, друзья. Мы возьмем столько самолетов, сколько понадобится для всех нас, и приземлимся в Новой Зеландии. Нас всех протестировали, мы все здоровы, нам не могут запретить въезд в эту страну.

– Да! В Новую Зеландию! Мы едем в Новую Зеландию! – восторженно орала толпа, некоторые от восторга даже апло-

дировали и танцевали.

С одного края толпы начали петь гимн Новой Зеландии, без настоящего текста, конечно, просто на музыку гимна скандировали слоганы манифестации. На другой стороне изучали карту Новой Зеландии по интернету, и уже выбирали, кто где будет жить.

– Но теперь у нас одна проблема, друзья. Мы должны начать переговоры с руководством аэропорта, чтобы нам подготовили самолеты и продукты, и сообщили о нас правительству Новой Зеландии. Все это, друзья, мы должны делать только мирным, повторяю, только мирным путем. Сейчас мы попытаемся установить связь с руководством аэропорта или с кем-либо из сотрудников, кто станет посредником между нами и руководством. Прошу вас, сохранять полную тишину, друзья. Молчание! – резко крикнул шеф.

Толпа сразу же умолкла. Шеф торжественно достал из кармана сотовый телефон, чтобы позвонить. И в этот самый момент в голове Даниеля возникла гениальная мысль. Он поднял руку вверх, смело и уверенно крикнул:

– Не звоните!

Все повернулись в сторону Даниеля, вопросительно и возмущенно глядя на него.

– Не звоните, месье, – уверенно продолжил Даниель, – я работаю в аэропорту и спокойно могу донести до своего руководства ваше обращение. Я с вами, я ваш единомышленник, месье, но по счастливой случайности с недавних пор я

начал работать в этом аэропорту.

– Хорошо, – сказал шеф, с сомнением во взгляде изучая Даниеля, – А почему мы должны верить тебе?

– Да, Вы правы, конечно, извините, я забыл представить-ся. Я – Даниель Бертран, вот мой паспорт и рабочее удостоверение, пожалуйста.

Даниель уверенно достал паспорт и удостоверение, которое передала ему Элен, чтобы он мог свободно проходить в аэропорт, без лишних вопросов. Конечно, в удостоверении не было указано ни того, что он сотрудник, ни его должности, указывалось только его имя и фамилия, и уже мелким шрифтом было записано – Посетитель. Внутри Даниель дрожал, но он так уверенно представил документы, что никто даже не засомневался и не поинтересовался тем, что там было написано. Только несколько человек, находившихся поблизости, рассмотрели его имя и фамилию, или Даниеля показалось, что они рассмотрели, и с удовлетворением, громко закричали:

– Да, шеф, он говорит правду, мы прочитали, все совпадает. Он сотрудник аэропорта.

– Сегодня, поистине, наш день, друзья, – закричал шеф в экстазе, и продолжил:

– Прошу всех вас расступиться, чтобы наш дорогой Даниель смог пройти в здание аэропорта. Пожалуйста, уважаемые представители полиции, можете проверить его, чтобы удостовериться, что при нем нет никакого оружия, как я и гово-

рил. Мы руководствуемся только мирными принципами.

Безграничная толпа с абсолютно геометрической точностью расступилась перед Даниелем, открыв ему путь к входу в аэропорт. Он уверенно сошел с крыши автомобиля и твердым шагом подошел к полицейским, чтобы пройти проверку. Конечно, у него не было оружия.

Шеф самодовольно улыбнулся.

– Видите, я был прав, у нас нет оружия. Мы честны. Теперь послушай меня, сынок, – сказал он, направив на Даниеля мелкие, бегающие глазки, – сейчас ты возьмешь этот телефон и войдешь в здание. Пойдешь прямо к своему начальству и передашь им эти документы: там подробно указаны наши требования. Если возникнет проблема, ты звонишь на единственный записанный там номер, то есть мне. Сейчас это твоя единственная миссия. Не бойся, мы с тобой!

Он торжественно вручил Даниелю телефон и все, возликовав, начали аплодировать.

До последнего мгновения Даниелю не верилось, что все это происходит с ним, что путь свободен, и он может бежать к своей возлюбленной. Скрывая волнение и неуверенность, он уверенным шагом прошел этот, кажущийся недоступным, путь и под торжественные аплодисменты вошёл в главное здание парижского аэропорта Шарля де Голля.

Даниель вошел в пустой аэропорт и направился к комнате отдыха персонала авиакомпании Эйр Франс – там Элен ждала его, во всяком случае, он на это надеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.